

ТЕНЬ АЛЬПИНИСТА

РАССКАЗЫ

СЕРГЕЯ ЖИГАЛКИНА И НАТАЛИИ ПРОКУРАТОВОЙ

Сергей Александрович Жигалкин Наталья А. Прокуратова Тень альпиниста

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55449404

Тень альпиниста: Рассказы. / Жигалкин С. А., Прокуратова Н. А.:

ЯСК; Москва; 2020

ISBN 978-5-907117-88-4

Аннотация

Принимать привычное за реальное – наше обычное заблуждение. Но в странствиях дальних, событиях неординарных или при поворотах судьбы привычное отступает, становится призрачным, эфемерным, и мир предстаёт перед нами другим – незнакомым, таинственным, неизвестным. В такие моменты неведомо почему перед нами проносится вся наша жизнь, прошлая и предстоящая. Как и весь мир, наша жизнь раскрывается словно в другом измерении и представляется событием глубочайшим, однако решительно непонятым. Будто она, наша жизнь, как и всё зримое бытие, – это обличье, в котором *иное, нездешнее* является нашему чувству, уму. Эту жизнь, этот мир необходимо, но невозможно понять. Такая дилемма приводит в движение душу и сублимирует дух: начало мышления, действия... Горные выси, луга и снега, ледники способствуют этому невероятно.

На высоте, в местах недоступных, безлюдных, среди первозданных стихий, в пространствах, исполненных ослепительной красоты, но также кошмара и ужаса, мы в полной власти суггестии, магии гор. Воображаемое и реальное там плавно перетекают друг в друга, и нет больше жёсткой границы между мирами – земным, inferнальным, небесным...

Рассказы об этом, ну и о многом другом...

Содержание

Рассказы Сергея Жигалкина	7
Последний перевал	7
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Жигалкин и Наталья Прокуратова

Тень альпиниста: Рассказы

В книге использованы фотографии

Сергея Жигалкина, Натальи Прокуратовой, Елены Бодрягиной, Дмитрия Шехватова, Николая Гурского, Владимира Иващенко

© Авторы, 2020

© Издательский Дом ЯСК, 2020

Высь

Меня не волнует, будет
ли ад или рай на Земле.

Меня не волнует, сгинет
ли всё, что вокруг, во мгле.

Меня не волнует, много
ли жить еще буду лет.

Меня не волнует, постигну
ли трансцендентальный свет.

Меня не волнует, великий
ли кто-то из нас человек.

Мне всё равно, подлец ли

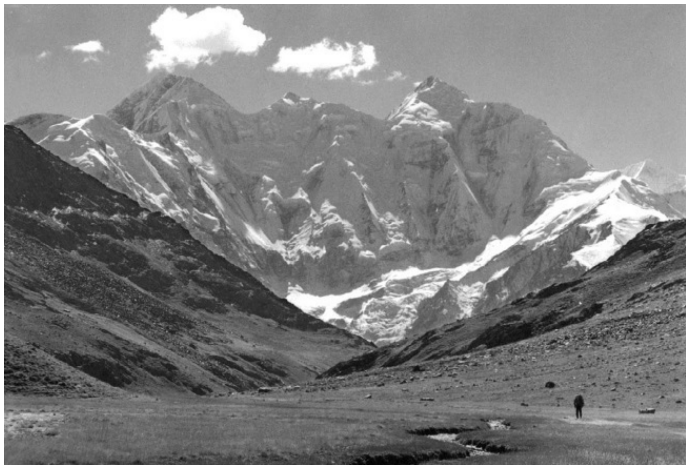
какой-нибудь имярек.

Меня не волнует, можно
ли в вечность живым попасть.
Мне безразлична Джульетта,
роскошная дикая страсть.

Меня не волнует нисколько
весь этот мелкий вздор.
Меня волнует только
блеск снега на пиках гор.

С.Жигалкин, конец 1980-х гг.

Рассказы *Сергея Жигалкина*

Последний перевал

Солнце ещё сияло над пиками гор, но уже не так интенсивно. Тени слегка удлинились, стих ветер, ослепительная яркость сменилась мягким струящимся светом.

Утром казалось, до слияния ледников относительно недалеко, и всё-таки, чтобы добраться туда, понадобился целый день. Правда, они особенно не спешили и, пересекая альпийские луга, петляя в моренных холмах, шли, как хотелось.

В середине дня открылся гигантский ледник, километров,

наверное, десять в диаметре: бесконечные насыпи, окружённые цепью приземистых гор. Нигде никакой зелени, никакой жизни. И горы, и насыпи в одном колорите – охристо-золотистые, только местами, в основном у вершин, – белый снег. В ущельях – застывшие в вечном падении извилистые ледники. На небе ни облачка, бездонная синева. Справа, подальше, из-за пепельно-рыжей скалы выползала высокая длинная насыпь – слияние ледников.

Слегка изменяясь в ракурсах, этот пейзаж маячил перед глазами до склона дня. Хотя они всё время шли, длинная насыпь не приближалась, и временами казалось, что до неё вообще никогда не дойти.

Всё же добравшись до пепельно-рыжей скалы, они устроили небольшой привал, потом повернули в ущелье и правой его стороной уже часа два поднимались вдоль насыпи впадающего ледника.

Двое друзей ушли вперёд, но он не спешил их догонять, наслаждаясь спокойным течением мыслей, одиночеством и тишиной. Картина сменилась: довольно узкое ущелье, куда более скромных масштабов, на севере, впереди, расширялось, упираясь в подножие крутых и высоких скал, явно непреодолимых. И если не грезить об иных, недоступных ландшафтах по ту сторону скал, на мысль о которых наводило прозрачное небо у самых вершин, здесь тоже было хорошо. Всё близко: и пики, и снежные взлёты, и тёплое солнце над скалистым хребтом.

Высокая, тянувшаяся совсем рядом насыпь казалась неестественно огромной. Он шёл траверсом по каменистым склонам, которые внизу, метрах в тридцати, смыкались с насыпью. Можно было спуститься, подняться на насыпь и идти параллельно по леднику, но такой вариант не из лучших. ледник слишком изрезан, да и перевал на этой стороне, километрах в семи впереди.

Настроение изменилось резко, без всякой причины. Сначала тревога, потом сразу страх. Всё вокруг сделалось ирреальным, громадным, обступавшим его со всех сторон. Скалы и насыпи ледника, снежные взлёты, странные, неизвестно откуда взявшиеся, казались чудовищной галлюцинацией, готовой в любую минуту превратиться во что угодно или исчезнуть совсем. Захотелось обратно, назад, и прямо сейчас, но кругом – бесконечные цепи туманных хребтов, уходящие за горизонт. Проносившиеся в воображении знакомые улицы, города, стол у окна, лица друзей тоже перестали казаться отблесками существующей где-то реальности – обрывки какого-то сна... Он остановился. Нигде никого...

Его спутники скрылись за скалами впереди и, судя по всему, уже давно. Однако они не могли уйти далеко и наверняка где-то рядом, возможно, за ближайшим отрогом. Но кристальная синева, неподвижные скалы, снега, полный штиль словно свидетельствовали об обратном: о несомненном отсутствии здесь людей. И правда, будто прервалась незримая связь с остальными: он больше не чувствовал их.

Это меняло всё дело. Хотя он ни на кого и не рассчитывал – наоборот, он-то и был инициатором авантюры, и скорее другие рассчитывали на него, – всё же вместе они составляли единое целое, защищавшее от капризов стихии, диких зверей, демонов, духов, магии гор.

Растерянный, не зная, что предпринять, он озирался вокруг. Послышался шелест, и у скалистого выступа, похожего на клюв хищной птицы, вдруг что-то сместилось, тенью метнулось вниз. Он попятился, но взял себя в руки: оползень мелких камней. В глубине треснул лёд, отозвалось многократное эхо, где-то зажурчала вода, явственно различались тихие и очень печальные голоса. В смятении он оглянулся. Всё ещё залитый солнцем гигантский ледник сзади внизу был странно недвижим, будто только что замер, чтобы не выдать каких-то кошмарных движений, дьявольских метаморфоз. На всем протяжении ледника, насколько хватало глаз, – никого.

Страх становился опасным, лучше бы как-то избавиться от него. В сущности, ничего особенного не произошло. Его спутники исчезли, но наверняка они где-то поблизости, впереди. Когда обнаружат, что его нет, остановятся и станут ждать. Потом кто-то пойдёт на поиски... Так что следует лишь прибавить шагу и побыстрее их догнать. Хотя это предположение, против всякого здравого смысла, по-прежнему не казалось убедительным, он быстро пошел вперёд.

Теперь он внимательно осматривался по сторонам, часто

оборачивался, заглядывал за большие камни, но находил там лишь мёртвую пустоту. Странно, ведь потеряться здесь решительно негде: весь путь на виду... Приблизительно через час он поднялся на высокий отрог, откуда местность просматривалась далеко вперёд. Ложбина между скалистыми склонами и насыпью ледника вилась на многие километры, подальше в ней протекала река, похоже, глубокая, бурная, скорее всего, непроходимая. Зато справа, у самой реки, тянулась узкая зелёная полоска – трава. Ложбина сворачивала влево и терялась среди белых холмов и торосов заснеженного ледника. Хребет тоже загибался влево и переходил в неприступную отвесную стену. Но перевал был несколько ближе, справа, в конце зелёной поляны, где-то среди вершин. Последний перевал, за ним – только вниз, к цветущим долинам, равнинам, домой...

Друзей нигде не было, да и вряд ли они, не дождавшись его, пошли бы так далеко. Оставалось единственное абсурдное предположение: они спустились со склона, поднялись на насыпь и затерялись в моренных холмах ледника. Невероятно, чтобы они отправились туда, да ещё не дождавшись его: идти там труднее, к тому же река, через которую выше по течению обратно не перейти.

На этот раз он забеспокоился всерьёз. Верно, всё же прошёл мимо них. Другого объяснения не находилось. Когда начнут искать, пройдут немного вперёд, потом вернутся туда, где они в последний раз были вместе, – на привале у сли-

нения ледников. Далеко, но всё-таки лучше, чем потеряться совсем...

Он внимательно огляделся и выбрал красноватый скалистый зубец в человеческий рост, расположенный на возвышении, метрах в ста. Забравшись наверх, снова посмотрел по сторонам: та же картина – нигде никого. Сняв рюкзак, закрепил его в вертикальном положении, спустился с зубца и направился вниз. Обернувшись, остался доволен: рюкзак наверху был виден отлично.

Вниз, да ещё налегке, он шёл быстро. К тому же хотелось как можно скорее разрешить эту дурацкую ситуацию. Осматривая всевозможные укромные места, он разозлился: надо же было свернуть и забиться чёрт знает куда, в какой-нибудь узкий проём, не оставив примет. Но раздражение – это простое человеческое чувство – казалось живым и приятным, контрастируя с необъяснимой ледяной тревогой, нараставшей внутри. Приятным казался даже животный страх, когда он вдруг замечал медвежьи следы или, прижимаясь к скале, пробирался над пропастью.

На спуск ушёл час. С отрога хребта открылось место привала у пепельно-рыжей скалы. Никого. Перепутать невозможно: небольшая площадка, усеянная камнями. Два или три камня чуть сдвинуты, сложнейший природный порядок, который мы принимаем за хаос, нарушен, и даже издали это сразу бросалось в глаза. А вот и огромный валун в стороне. Неизвестно зачем, он спустился. Бессознательно сел на тот

самый камень, где сидел раньше, причём сел в той же позе.

Видимо, причиной тому последние золотые лучи из-за белых вершин и странные длинные тени, только его охватила невыразимая грусть: казалось, он был здесь очень давно – тысячу лет назад. Тогда же, давно, был и привал, вспоминавшийся до мелочей. Смещение времени придавало образам друзей, отдельным словам, эпизодам какой-то глубокий таинственный смысл. «...Когда близка смерть, например, кто-то только что умер, ворота открыты, и находящийся рядом, не понимая того, может вдруг оказаться за ними...» – фраза без начала и конца. Тогда никто не был склонен к беседе, потому, прервав мысль, их спутница стала рассматривать струйку стекающей с камня воды.

Он посмотрел на солнце: секунды – и оно исчезнет совсем. Надо идти, но силы пока не восстановились, стоило ещё посидеть.

Наконец солнце скрылось, и хотя небо над скалами пылало – красным, оранжевым, алым, багряным, – начинало смеркаться, особенно над ледником, в узком ущелье, погружённом в тень. Похолодало. Стало совсем одиноко. «Может, я уже умер», – пришло вдруг на ум. Известная мысль. Только раньше она воспринималась как игра воображения, теперь же, под влиянием обстоятельств, приобретала значительность, вес. Всё становилось понятным, в том числе исчезновение остальных. Он даже усмехнулся. Разумеется, это просто пустые фантазии, бред... Тем не менее попытался

найти свою тень. Но солнце зашло и все тени пропали. Можно было взглянуть в зеркало или в воду, но вставать, искать лунку с водой и высматривать в ней своё отражение – есть оно или нет – это уж слишком. Всего-навсего древние суеверия бродят где-то в крови... Конечно, он мог и погибнуть – допустим, сорвался со скал, но сегодняшний переход был довольно простой, без серьёзных опасностей, риска. А если, как это ни абсурдно, он мёртв, бояться тем более нечего: смерть позади и больше ничего не грозит. Разве один только штрих: всё, что вокруг, – мир не этот, а тот, потусторонний – царство иллюзий, фантомов, теней, непредсказуемых превращений... Но именно это и было по-настоящему страшно, хотя выглядело окружающее обыкновенно и конкретной угрозы нигде не просматривалось никакой. Так или иначе, мысль была глупой, и он вскоре отбросил её. Однако она не исчезла совсем, но как-то осталась... в чёрных скалистых каньонах, зияющих трещинах ледника, среди замерших белых вершин.

Он поднялся и медленно побрёл вверх. Обстоятельства складывались неудачно: сил мало, а через час-полтора наступит ночь. Вряд ли он сможет идти в темноте, добраться хотя бы до рюкзака. Однако надежда всё-таки оставалась. Чтобы не тратить бензин, снизу они прихватили дров. Немного, но хватит на небольшой костёр, который друзья, разумеется, разведут... высоко, на холме, отовсюду заметном...

Сгустились сумерки. Слева чуть красноватое небо над за-

падным хребтом переходило в бледно-зелёное, затем в синее в самом зените, потом в тёмное на востоке, где загорелась звезда. Скалы ещё различались, а насыпь совсем почернела, слилась, куда-то девалась её материальность – гигантская длинная тень... которая будто бы шевелилась, перемещалась, ползла...

Он шёл той же дорогой, хотя её трудно было узнать, – лишь время от времени он вдруг вспоминал ручеёк, причудливую скалу, камень, уступ. Те, дневные, впечатления были яркими, последовательными, полными, а эти – лишь жалкими их обрывками – скомканными, расплывчатыми, тусклыми. Окружающее казалось едва уловимым намёком на оставшуюся в прошлом реальность... ослепительную, залившую солнцем и синевой... куда больше не было никакого пути... «Блуждающие во мраке, без всякой надежды вернуться на свет», – пришло вдруг на ум, и он на мгновение оцепенел: всё та же мысль. Абсурдная, но вместе с тем страшная.

Идти он старался как можно быстрее, чтобы успеть до темноты и чтобы действие и усталость подавляли фантазии, всякий бред. Но было слишком далеко. Ночь застигла его на том самом месте, где он неожиданно понял, что остался один.

Луна не появлялась. Света холодного звёздного неба не хватало, и всё погрузилось во тьму. Но хребты в вышине всё-таки были заметны: более тёмные пятна, к тому же без звёзд. Ниже – сплошная чернота: ни насыпи, ни обступающих гор.

Ноги он едва различал, и пробираться по камням и уступам, огибая внезапно выроставшие из тьмы одинокие скалы и валуны, приходилось на ощупь. Скорость была смехотворной, однако лучше идти, пока хватит сил.

Час или два, может, три он только и делал, что шёл: осторожно вытягивал руку в темноту и, если она не упиралась в камень, переставлял ногу, нащупывал упор и перемещал на него вес тела – и так без конца. Холода он не чувствовал, хотя шёл без пуховки, которая осталась в рюкзаке. Иногда под ногами похрустывал лёд: замёрзшие лунки с водой, ручейки. И мысли, и чувства – лишь слабый фон в глубине... он даже не понимал, насколько устал. Он просто шёл... как зомби, лунатик – как автомат...

И всё же он оступился, вернее, внезапно земля под ногами поехала вниз. Отчаянная попытка удержать равновесие не удалась: осыпь уже сорвалась и сползала в ложбину, опоры не было никакой. Упав на правый бок, он ещё успел удивиться близости склона – вот это крутизна! Затем вместе с грудой мелких камней, набирая скорость, полетел вниз. Барахтаясь и кувыряясь в сыпучке, он инстинктивно стремился откатиться обратно – в ту сторону, откуда пришёл. Что-то ударило в спину: камень, скала! Перевернувшись на левый бок, он выбросил руки вперёд, схватился за выступ скалы. Сыпучка тащила вниз, но он удержался и, когда оползень затих где-то внизу, выбрался на шероховатую каменную плоскость, как-то сел. Колени дрожали, дыхание сбилось, сердце стучало,

силы пропали. В голове растекался приятный туман, но сознания терять было нельзя. Мучительно долго он противился желанию закрыть глаза, потом начал приходить в себя.

Скоро он понял, что слышит – и, видимо, уже давно – низкий раскатистый гул, всплески воды: где-то поблизости река, верно, её он видел с высокого отрога. Значит, прошёл дальше, чем днём, но сейчас оказался значительно ниже... Он посмотрел по сторонам: полная тьма, только вверху несколько звёзд. «Блуждающие во мраке, без всякой надежды...» – в *этом* он мире или же в *том*, теперь ему было, в общем-то, всё равно...

Добраться до рюкзака не представлялось возможным, но и оставаться здесь он не хотел, к тому же холод давал о себе знать. Даже и не пытаясь обдумать свои действия, с трудом поднялся и шаг за шагом, как прежде на ощупь, начал продвигаться в обратном направлении, забирая вверх...

Шёл он значительно медленнее, забывшись в ходьбе, но в конце концов всё-таки выбился из сил. Наткнувшись на скалу с углублением, забрался туда, прижался к камням, закутался, насколько возможно, в штормовку и приготовился ждать утра. Прямо перед ним где-то во тьме, должно быть, тянулась высокая длинная насыпь.

Мелькали какие-то мысли, проплывали какие-то образы, но это, да и всё остальное вообще, казалось бессмысленным и пустым, неважным, не значащим ничего.

Ни ирреальность окружающей темноты и себя самого, ни

исчезновение спутников, ни предстоящее ему завтра не вызывало решительно никаких чувств. Может быть, он замерзал, может, спал или смертельно устал, но дела до этого не было тоже...

Когда он увидел далеко впереди мерцающий свет, даже не пошевелился. «Вероятно, костёр», – промелькнула короткая мысль. Тем не менее взгляд остановился на странном явлении. Красноватая точка побольше звезды, только бледнее, вокруг – еле заметный вибрирующий ореол. Вполне вероятно, это лишь грезилось, снилось... «Это, наверное, они... Когда я пошёл наугад, то вскорости, разумеется, их и нашёл...» – однако он не понимал или не хотел понимать собственных мыслей. Он просто смотрел. И чем дольше, тем ближе и ярче казался мерцающий свет: красные сполохи пламени и сизый, подсвеченный розовым дым. Где-то на насыпи, на леднике...

Ощущение времени растворилось в огне. Смотреть и смотреть на пляшущие языки... красные, оранжевые, жёлтые, невероятно яркие... От них даже тепло...

Да, точно, он видел фигуры у костра. Его друзья, кто же ещё... Не так уж и далеко, даже близко...

Послышался и пропал шум реки – словно и не было ничего.

Похоже, костёр разгорался. Силуэты становились всё более отчётливыми, уже различались и позы. И правда, совсем недалеко...

Он не радовался и не удивлялся. Всё, что он видел, было настолько само собой разумеющимся, что он ни о чём и не думал – просто смотрел на огонь. Ни звука, лишь иногда в тишине неожиданно треснет горящая ветка...

Двое сидели у самого костра, а он – чуть поодаль. Никто не двигался, все молча смотрели на пламя.

Только однажды, и то на короткий миг, он всё же испытал острое чувство, которое, правда, сразу забыл. Случайно взглянув на друзей, вдруг поразился: они были *необыкновенно красивыми* — настолько, что захватило дух. Наверное, такое впечатление создавали отсветы пламени, тихая звёздная ночь... Он знал их обоих давно, странно, что раньше этого не замечал...

Костёр полыхал вовсю, плясало извивное пламя, всё вокруг давно поглотила кромешная тьма. Он больше не отвлекался, пока наконец сполохи не смешались и он не пропал в этой красной мерцающей черноте...

Неожиданно краснота сузилась, позолотилась, превратилась в похожий на молнию летящий зигзаг, очень яркий: пылающий контур вершины хребта!.. Да, было утро. Пики и скалы вверху на противоположной стороне ледника горели огнём, чуть ниже лежала прозрачная синяя тень восточного хребта, из-за которого, видимо, уже показался край солнца. Сияющая золотом зигзагообразная полоса на вершине хребта справа обрывалась на повороте, в самом начале отвесной стены, где всё было в тени, кроме трёх белых пиков. Ни об-

лачка в синеве.

Ещё не совсем проснувшись, он посмотрел туда, где видел костёр. Пустынная, мёртвая насыпь. Сердце упало: ушли... или и не было никого...

Попытка подняться окончилась неудачно: сдавленно застонав, он снова сел. Тело отекло и заледенело, каждое движение причиняло боль. Как только пришёл в себя, попробовал пошевелить пальцами рук – удалось, затем разработал кисть... Когда наконец он с огромным усилием встал, то чудом остался на ногах – в глазах потемнело, скалы, хребты закружились, всё поплыло. Однако немного спустя он смог сделать шаг, чуть попозже второй...

Неподалёку на красноватом скалистом зубце виднелся рюкзак. Дорога туда была мучительная и долгая, труднее всего оказалось вскарабкаться на зубец и спустить рюкзак вниз. Открыть его было тоже непросто: замёрзшие руки не слушались, мешала запёкшаяся на пальцах кровь. Потом он сидел и жевал сухари...

Между тем насыпь уже блестела на солнце, и граница тени, на глазах поднимаясь по склону, всё ближе подбиралась к лежавшему чуть в стороне рюкзаку – скоро будет тепло...

Немного отдохнув, он попытался сосредоточиться, но мысли не связывались, путались, ничего не было понятно. Правда, значения это и не имело: он и так знал, что ему делать.

Собравшись с силами, подтащил поближе рюкзак, набро-

сил лямки и встал, с трудом удержавшись на ногах. Посмотрел вниз, где виднелась верхушка пепельно-рыжей скалы у слияния ледников, на насыпь, хребты и на небо, постоял и пошёл в направлении перевала.

Ослепительный солнечный свет, синева не только не рассеяли вчерашнее ощущение ирреальности, но, наоборот, даже усилили его. Гигантский каменный амфитеатр, особенно живописный ярким прозрачным утром, по-прежнему казался какой-то невероятной галлюцинацией, красивым, однако навязчивым сном.

Вскоре попался небольшой глинистый участок среди каменных глыб, на котором сохранились следы. Чёткие, хорошо отпечатанные. Прекрасно читались рельефы подошв. На первый взгляд – один человек, но при внимательном рассмотрении – двое, если не трое, шли след в след. Он заметил следы, только когда уже наступил на первый, причём прямо на отпечаток, без всякого смещения. Шли точно той же дорогой и точно так же, как он. Ничего удивительного для опытных путешественников по диким, тем более горным местам. Кажется, можно идти немного правее или левее, прыгнуть на этот камень или на тот, но это не так: правильный путь только один, и после всех пройденных перевалов, скалистых каньонов, стремительных рек, после всех выюг и метелей, ураганов, жары инстинкт безошибочно ведёт именно этим путём, миллиметр в миллиметр. Значит, его спутники, а это, безусловно, были они, всё же ушли вперёд. Он поче-

му-то даже не очень обрадовался, скорее просто констатировал факт.

Меж каменных пиков блеснуло солнце, лучи ослепительного света и обжигающего тепла ринулись вниз. Кровь постепенно согрелась, идти стало легче. Боль, тяжесть, одышка утихли, установился более или менее привычный ритм. Петляя в хаосе скал, пробираясь проёмами, карабкаясь вверх, затем осторожно спускаясь, шёл он, наверное, час. Всюду текли и журчали оттаявшие на солнце ручьи.

Поднявшись на очередной высокий отрог, он вдруг резко остановился, неожиданно для себя самого. И лишь через долгий, застывший в безмолвии миг сообразил почему.

Путь преграждало крутое, казалось, местами отвесное русло сыпучих камней. Начинаясь у горных вершин, русло падало вниз, к леднику, где бушевала река. Чуть ниже по течению поток, превращаясь почти в водопад, уносился в зияющий грот под колоссальными толщами льда и исчезал в черноте.

В этом мгновении, в остановившемся времени, не было больше ни мыслей, ни чувств – лишь нарастающий ужас... Но вызывала его не крутизна, не опасность, даже не смерть, а чёрный грот, и чем дольше он вглядывался в него, тем труднее было отвести взгляд.

Сорваться со скал, потерять ощущение верха и низа в водоворотах этой мутной реки, исчезнуть в чёрной дыре... Обернувшись, он бросил взгляд вниз по ущелью: под насы-

пью, подо льдом поток, наверное, разветвлялся, просачивался меж камней, вливался в озёра и реки, врвался в пещеры, обречённые на вечную тьму, потом, достигнув гигантского ледника там внизу, сливался под ним с другими потоками и, проделав немислимый путь, являлся на свет уже где-то в долине... Сорвавшись в поток, жить три секунды, однако сознание этого никак не влияло на ужас перед чудовищными лабиринтами под ледником: казалось, страшнее, чем вдруг очутиться там – пусть даже и мёртвым, – нет и не может быть ничего...

Русло сыпучих камней, метров пяти шириной, пересекали следы... правда, до половины... несколько углублений, потом – ничего... Сколько человек прошло – один, два или три, сказать было трудно. И почему до половины?.. Наверное, оползень стёр остальные следы...

Белые пики в сияющей синеве, амфитеатр, чёрный грот он, безусловно, видел впервые, однако место казалось странно знакомым, он узнавал то ли холод реки, то ли уступ под ногой, то ли позу, в которой стоял...

Поверху пройти невозможно: отвесные скалы. Оставалось одно: спуститься в ложбину чуть ниже грота, подняться на насыпь и двигаться к белым торосам ледника в надежде достигнуть истока реки, там перебраться на правую сторону и вернуться назад, к полоске зелёной травы, потом – перевал. Второй вариант – перейти прямо здесь; других путей нет.

Друзья, наверное, пошли в обход, к тому же на насыпи но-

чью он видел костёр... Вот только следы... Могли, разумеется, и рискнуть, но впереди на значительном расстоянии – никого... И почему, выбирая путь, они не дождались его?.. В сумерках, в темноте опасность не так очевидна, возможно, они, не заметив ни чёрной дыры, ни реки, сходу прошли через русло и теперь далеко впереди, за отрогами скал ожидают и ищут его?.. Или они решили, что насыпь – единственный путь?.. Тогда, получается, это его следы?.. Ночью он вроде сорвался, упал, может, здесь?..

Волна смутных вопросов нахлынула совершенно внезапно и также внезапно угасла. Ответов он и не пытался искать.

Путь по леднику отпадал: в лучшем случае он потеряет день или два, палатка, провизия и бензин не в его рюкзаке и, если он так и не встретит друзей, вряд ли поднимется на перевал.

Он шагнул вперёд, остановился, бросил взгляд на каменное русло и в ту же секунду понял, как здесь пройти. Он вдруг увидел, как движется по камням, почувствовал каждый свой шаг – в мгновение ока в воображении перед ним предстал весь переход до мельчайших подробностей, включая финальный момент – первые наносекунды на той стороне. Причём представилось всё настолько реально и ярко, что никаких сомнений не оставалось. Рванулся сразу идти, но задержался и, вглядываясь в сыпучие камни, начал снова и снова просматривать путь...

Надо было бежать по сыпучке, сначала как раз по следам.

С первым же шагом камни поедут, и дальше придётся бежать прямо в оползне. Десять шагов... Но главное – скорость; какой она должна быть, он знал точно, наверняка. Быстрее – и сразу сорвётся лавина камней, которая тут же собьёт с ног, медленнее – тогда вместе с оползнем съедешь к самой реке, к чёрному гроту... Много ниже, на той стороне торчал угловатый камень: двигаясь, как рисовало воображение, он окажется именно там. Снова и снова рассматривал он трещины, выбоины и уступы этого камня, представляя, как, вырываясь из оползня, бросится на него, прижмётся всем телом, чтобы остановиться, затормозить... Место и поза, сила удара были понятны...

Поблизости со скалы скатился камень и, попав в русло, прыгая, полетел вниз, увлекая другие. Мелкие камни шлёпнулись в мутный поток, на мгновение задержались на поверхности, потом, как деревянные щепки, закружились в водовороте и в облаке брызг унеслись под ледник, в зияющую черноту.

Туда не стоило больше смотреть. Он взгляделся в сыпучее русло, последнее – камень пониже на том берегу, всё остальное погасло, пропало, будто не существовало вообще...

В следующее мгновение он ринулся вперёд. Застывшие в горле страх и порыв, лёгкая слабость и дрожь, нахлынувшие перед прыжком, казалось, остались позади, в том месте, где он стоял. Не чувствуя ничего, он только бежал. Сначала по следам, потом по нетронутой целине. Масса камней

под ногами съезжала вниз. С каждым шагом ноги всё глубже утопали в сыпучке, всё больше требовалось усилий, чтобы не потерять темп. Но важнее всего равновесие, главное – не упасть... Балансируя в движущихся потоках, для большей устойчивости он бежал, не разгибая колен до конца, не видя ничего, кроме следующего маленького пересыпающегося островка, куда намеревался ступить. Силы были уже на исходе, но русло никак не кончалось: казалось, не десять шагов, а все сто... Потом он увидел огромный камень, стремительно приближавшийся к нему. Мгновение – и отчаянным рывком он бросился на него, прижался к холодным уступам. Внезапная неподвижность как шок... Подумал, что это – простой обман чувств – вот-вот всё закружится снова, но уже ничего не сыпалось, не плыло, и, когда оползень стих где-то внизу, осталась одна тишина, и в ней – шум реки.

Камень и поза, в какой он лежал, всё было точно таким, каким представлялось ему на другом берегу – очень, казалось, давно...

Какое-то время он не шевелился, слушая тишину, потом неуверенно сел. Откуда-то сверху, будто из небытия, через всё русло по диагонали прямо к нему шли следы, чем ближе, тем более размытые, стёртые оползнем, последний – едва различимая лунка... Он помнил и эти следы. Всё получилось в точности так, как ему представлялось: *он перешёл...*

Наконец он поднялся и огляделся. С этой стороны пейзаж казался другим. Не менее ирреальным, но интенсивнее, яр-

че. И здесь тоже не было никого...

Он поправил рюкзак, ещё раз взглянул на зияющий грот и пошёл вперёд. Настроение изменилось: экзальтация влила новые силы, стало легко и свободно, несмотря даже на то, что тень подозрения не отступала...

Скоро он миновал отроги хребта и вышел на длинный зелёный луг у реки. Сочная густая трава... точно такая, как там, где он некогда жил... Только не слышно, не видно птиц...

Больше следов не попадалось, значит, те двое пошли ледником и больше не стоит друг друга искать: блуждание в лабиринтах морен бессмысленно, шансов практически никаких – лишний, ненужный риск. В таких случаях самое лучшее – каждому двигаться своим путём. Может быть, они встретятся на перевале, если нет – по ту сторону гор, на равнине внизу... Он нисколько не сомневался, что друзья придут к той же мысли и не беспокоился за них.

Наверное, через час он подошёл к подъёму на перевал, правда, перевал мог оказаться вовсе не здесь: карты у него не было и он сориентировался приблизительно, насколько помнил её. Но, видимо, он не ошибся: повсюду в других местах высились отвесные скалы.

При виде перевала хорошее настроение рассеялось. Прямо от зелёной травы узким крутым ущельем вверх поднималась снежная лента, сворачивала влево и терялась среди скал, но седловина между двух каменных пиков на самом

верху отлично просматривалась. Почти вертикальный взлёт, белый нетронутый снег, от пика до пика – небольшой козырёк. Последнее обстоятельство вызывало особенное замешательство. Зато спуск наверняка будет несложным: козырёк намело с той стороны и вряд ли там пропасть, скорее пологое снежное плато... В целом перевал был трудный, и он подумал, что одному, без необходимого снаряжения, его, наверное, не преодолеть.

Чтобы эта мысль не завладела им совершенно, он отвернулся, сбросил рюкзак, сел на траву, потом лёг.

Ни малейшего ветерка, чистое небо, белые пики. Спокойствие и тишина. Тем не менее было муторно и тревожно. Что если он пройдёт перевал, спустится вниз, а его друзей нигде нет?.. Что если не сможет пройти?.. Всколыхнулись вчерашние тёмные мысли, вернулись сомнения, тяжесть и страх...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.